

ВСЕМИРНОЕ НАСЛЕДИЕ

ГЕГЕЛЬ

ОПЫТЫ СОЗНАНИЯ

Перевод Г.Г. Шпета,
Б.Г. Столпнера
Предисловие А.В. Маркова

Москва
Издательство АСТ

УДК 1(091)(430)
ББК 87.3(4Гем)
Г27

Дизайн серии *Виктории Лебедевой*

Перевод с немецкого *Г.Г. Шпета, Б.Г. Столпнера*
Предисловие и комментарии профессора РГГУ и ВлГУ *А.В. Маркова*

Гегель, Георг Вильгельм Фридрих

Г27 Опыты сознания / Георг Вильгельм Фридрих Гегель;
пер. с немецкого Г.Г. Шпета, Б.Г. Столпнера; предисл. и ком-
мент. Александра Маркова. — Москва: Издательство АСТ,
2020. — 544 с. — (Всемирное наследие)

ISBN 978-5-17-120576-8

В настоящую книгу знаменитого немецкого мыслителя Г.В.Ф. Гегеля вошел его известный труд «Феноменология духа» и фрагмент произведения «Философия права». «Феноменологию духа» Гегель писал, когда Йену осаждали войска Наполеона, и философ чувствовал себя свидетелем величайшего перелома в истории человечества, перехода от традиционного уклада к всемирной современности. Но в своей работе автор говорит не об окружающем мире, а о неизбежной победе рационального принципа, «духа» как общего смысла истории. В «Философии права» Гегель обращается к другой сфере мировоззрения человека и говорит о том, что право нельзя выводить только из долга перед обществом, из чувства справедливости или из обычаев решать споры. Оно представляет собой не одни лишь законы и их толкование, а возможность свободно распорядиться своим телом и своим имуществом, не чувствуя унижения ни в быту, ни в отношениях с другими людьми.

Гегеля можно называть пророком или влиятельным политиком, но основные его заслуги лежат в области диалектики, которая стала необходимой частью формирования философской мысли XIX века.

УДК 1(091)(430)
ББК 87.3(4Гем)

ISBN 978-5-17-120576-8

© А.В. Марков, предисловие, комментарии, 2020
© ООО «Издательство АСТ», 2020

Знакомый незнакомец русской мысли

Гегеля в России прочли очень рано, более того, Россия была второй страной после родной ему Германии, где философа не просто знали, а читали с карандашом, конспектировали, спорили о нем днями и ночами. Гегелем восхищались Белинский и Грановский, на его трудах строили свои рассуждения и западники, и славянофилы XIX века; можно сказать, его формулы принимали как само собой разумеющиеся для понимания того, что такое «государство», «нация», социальная жизнь. Гегель занял то место среди мыслителей России, которое прежде занимали Цицерон или Вольтер, — он был ученым, сформулировавшим исходные понятия для гражданской жизни, понятия, воспитывающие гражданина. Его мысль помогала мирить чувство и долг, частные и общественные интересы — правда, Гегеля, в отличие от Цицерона и Вольтера, читали не только государственные мужи и отдельные эрудиты, но и критически настроенная интеллигенция, предприниматели, духовенство — и они могли находить общий язык друг с другом. Само понятие «интеллигенции» обязано во многом гегелевскому пониманию автономии сферы духа, сферы мысли, не обязательно требующей практического применения. Мы сами не замечаем, сколь многими нашими привычными словоупотреблениями обязаны Гегелю — например, во времена Пушкина слово «бытие» означало обычное существование, быт, образ жизни, тогда как благодаря Гегелю уже в середине XIX века стали говорить о бытии как принципе, норме, абсолюте, и рутинная «быта» стала противопоставляться подлинному осмысленному «бытию». А через век студенты из ГДР, учившиеся в Советском Союзе, признавались, что читают Гегеля не на родном немецком языке, а в русском переводе, который и яснее, и ближе к привычкам речи — это означает, что немецкий язык усвоил только отдельные обороты Гегеля, тогда как русский научный язык впитал в себя невероятно много гегелевских интуиций.

Но философскую программу Гегеля пересказать труднее. Даже образованный человек у нас не сразу сформулирует, что сделал Гегель в философии нового в сравнении с Кантом или чем его диалектика бытия и небытия отличается от диалектики тех же категорий его современника и соперника Шеллинга. Достоевский и Толстой относились к Гегелю скорее скептически, как к мыслителю, работающему с готовыми категориями, не проникая в тайну человеческого существования, а общая мода на «философию жизни» в начале XX века, которая противопоставлялась «философии духа», выдвинула на первый план совсем других мыслителей, таких как Шопен-

гауэр, Кьеркегор, Ницше, Бергсон, Ибсен. Философия жизни утверждает, что рациональная систематизация понятий, в которой Гегель находил истоки настоящего философского понимания происходящего, есть лишь искусственная конструкция в сравнении с тем чувством жизни, которое направляет человеческое познание и волю. Так, Василий Розанов сначала написал книгу «О понимании» в духе Гегеля, но потом перешел к афоризмам и парадоксам в духе Ницше. Невозможно представить Блока или Горького, читающими Гегеля, при этом афоризмы Ницше были ими усвоены почти как собственная речь.

Интерес к Гегелю в обществе, а не только среди профессионалов, которые должны уметь разбирать историко-философские вопросы, возродила только Октябрьская революция: для Ленина, как ранее для Герцена, Гегель был наиболее революционным из всех мыслителей до Маркса, потому что умел выводить политические и правовые реальности из рациональных понятий. Значит, с Гегелем в руках можно было требовать пересмотра всего прошлого с рациональных позиций, суда над прошлым. Другое дело, что логика событий опережала логику Гегеля, прочитанного не всегда внимательно, без комментариев, и Маяковский заявлял в предсмертной поэме: «Мы диалектику учили не по Гегелю. Бряцанием боев она врывалась в стих». Когда требовалось принимать срочные решения, было не до книг.

Но Гегель приобрел внимательных читателей и в Советском Союзе, например, профессора Э. Ильенкова, создавшего на основе учения Гегеля о развитии бытия и знания педагогическую систему обучения глухонемых, и в эмиграции — русский эмигрант профессор А. Кожев (Кожевников) читал в Париже лекции о Гегеле, где объяснял, что Гегель требует иначе мыслить историю: не как собрание рассказов о больших делах, но как предмет текущей политики, как один из способов говорить о современном политическом долге. Кожев усмотрел в Гегеле не просто рационалиста, а, можно сказать, первого постмодерниста, показавшего условность всех наших расхожих представлений о природе и истории, оспорившего привычные способы систематически описывать окружающий мир. Трактовка Кожева повлияла и на политическую жизнь во Франции, например, на участие Франции в создании Евросоюза и ЮНЕСКО, и на французскую литературу и искусство, в которых стало нормой головокружительно экспериментировать.

В XX веке у Гегеля появились и новые сторонники, и новые противники. Сторонники, такие как Хайдеггер и Сартр, хвалили философа за внимание к составу слова, за то, что Гегель не употребляет слова просто как аргументы, а смотрит на то, как слово живет, как постепенно раскрывает свой смысл (по Хайдеггеру, Гегель впервые после древних греков проявил интерес к тому, как мыслят философы, а не только что они мыслят). Противником Гегеля выступил австрийско-британский ученый Карл Поппер, обвинивший философа в слабом знании естественных наук и в идеологическом расширении прав государства. Конечно, этот взгляд на Гегеля тенденциозен и провокативен, но ведь и Кожев был в чем-то авантюристом

и провокатором. Без таких провокаций ни один крупный мыслитель не станет достоянием всей культуры человечества.

В XXI веке мир переживает настоящий ренессанс Гегеля. Словенский философ и психоаналитик Славой Жижек недавно издал огромный том о Гегеле «Меньше чем ничто», в котором заявляет, что тот предвосхитил современную физику: объявляя, что небытие — момент в утверждении бытия, Гегель предугадал открытие бозона Хиггса. Также Гегель, согласно Жижеку, невольно основал современный психоанализ: бытие у него не существует само по себе, оно открывает свою сущность перед чем-то другим, всегда сопоставляет себя с различными процессами, и это соответствует учению психоанализа, тому, что наша психика никогда не бывает автономной и самодостаточной, всегда находится в поисках другого. Гегель для Жижека — философ, первым поставивший острые и смелые вопросы, которыми занимаются современные физики, биологи, социологи и психологи.

Такие модные философы наших дней, как Петер Sloterdijk, Грэм Харман, Бруно Латур, Квентин Мейясу, видят в Гегеле абсолютного философа, который попытался вместить в свою систему весь предшествующий опыт рассуждений об отвлеченных понятиях, и тем самым показал, что ни одна сложная система в природном или социальном мире не может существовать без внечеловеческих, безличных высказываний. Для них Гегель стоит у истоков современной социологии, которая видит в социальной жизни не только частную волю отдельных людей или групп, но и действие структур и сложных отношений. Эти мыслители читают Гегеля в одном ряду с научной фантастикой, кибернетическими антиутопиями, литературой по программированию и объявляют, что без Гегеля не было бы всех этих книг, или они не были бы так значимы для нашего общества.

Главная идея современного ренессанса Гегеля — «негативность»: мы получаем знание или опыт только после проверки отрицанием, но именно поэтому настоящее знание делает видимым то, чего прежде не замечали. Например, общество долго не замечало многих проблем инвалидов, женщин или угнетенных групп, а Гегель показал, как невидимое непременно становится видимым. Ведь Гегель в глубине души — христианский мыслитель, для которого ничего не скрыто от Страшного суда.

В России Гегеля читают как остроумного и неожиданного мыслителя, который может подсказать самые правдивые философские выводы: например, русский философ конца XX века Владимир Библихин читал Гегеля за сопоставление «своего» и «собственного», что мысль Гегеля позволяет мыслить собственность не как предмет манипуляций или удовлетворения эгоистических желаний, но как основу свободы и самосознания личности, как возможность вновь стать собой, выслушав настоящий смысл слов и свою глубинную интуицию. Вообще, успеху Гегеля в России способствовала общая особенность немецкого и русского языка, множество сложносоставных слов: все эти «мирочувствия» и «миропонимания», «целепологания» и «рядоположенности» переходили от различных немецких

мыслителей в русский язык. Конечно, иногда эти слова, вроде «мировоззрение» становятся отмычкой для всего, против чего любой серьезный читатель Гегеля возразит, но кто знает, существовала бы густая образность Пастернака или парадоксы прозы Андрея Битова или Виктора Пелевина без такой прививки сложных слов, соединяющих бытие и познание в непростой клубок парадоксов.

Хайдеггер однажды изложил биографию Аристотеля словами: «Аристотель родился, написал труды и умер». Хайдеггер имел в виду, что даже такие яркие подробности биографии Аристотеля, как воспитание Александра Македонского, ничтожны в сравнении с его философскими достижениями, завещанными всей западной философией. Но биографию Гегеля так изложить не получится — еще при жизни он воспринимался и как национальный философ Пруссии, и как участник современной научной жизни, и как педагог, чьи идеи дополняют и меняют привычные воспитательские наставления, одним словом, человек с биографией. Хотя Гегель писал сложно и мало кто из студентов понимал всё, что этот профессор сказал на лекции, эти сложные тексты могли улучшать работу министерств и частную жизнь, и неожиданно строительство какого-то предприятия или обучение музыки вдруг подпитывалось этими сложно сформулированными, но действенными гегелевскими идеями. Во многом характер Гегеля объясняется его швабским происхождением: он родился в 1770 году в лютеранской семье, но Швабия была всегда землей мистиков, сектантов, ищущих свободной мысли поэтов и богословов, и такое соединение строгости книжника с экстазами духовидца всегда проявлялось в поведении Гегеля. С детства он читал книги по всем наукам, мировую классику, но читал и бульварные романы, за что его бранил отец — в наши дни он читал бы графические романы и играл в компьютерные игры. Мы сразу скажем: так он проводил досуг, — но на самом деле Гегелю было важно уметь действовать в современном ему мире, приобрести необходимую ловкость, и романы этому помогали. Иначе бы он не смог рассуждать, как, например, сочетаются юридическое право и социальное воображение, разум и эмоция в современной действительности.

Гегель был не очень похож на отрешенного философа: он с молодости любил азартные игры, увлекался женщинами, читал газеты и любил делиться новостями и даже слухами, предпочитал сытный обед и вино новой книге, впрочем, после обеда мгновенно прочитывал по диагонали новинки. Казалось бы, перед нами просто представитель тогдашнего студенчества, для которого загулы столь же необходимы, сколь и сидение в библиотеке. Но на самом деле Гегель просто был осторожен, он считал, что любое одностороннее развитие губительно, и лучше самому испытать, когда лишняя кружка пива будет уже не на пользу, а во вред. Он регулировал и физическую, и умственную диету, при этом бывая страстным, вспыльчивым, впрочем, ни разу в жизни не перейдя к насилию или к интриге, чем грешили многие его современники. Ненавидевший его Шопенгауэр мог перейти к рукоприкладству, друг-соперник Шеллинг был мастером мини-

стерской работы, дипломатически хитрым, а Гегель был прямым, и если не преподавал, то вел домашние уроки и учил подростков рассуждать. Можно сказать, он был прирожденным воспитателем: даже от карьеры священника отказался, считая, что лютеранская церковь недостаточно учит, проповедует только по воскресеньям, в то время как проповедь нужна каждый день.

В 1801 году он стал приват-доцентом Йенского университета, этого гнезда немецкого романтизма, а с 1818 года был профессором молодого Берлинского университета. В отличие от средневековых университетов, учивших мастерству по готовым традиционным учебникам, братья Александр и Вильгельм фон Гумбольдты создали Берлинский университет как большую лабораторию новой науки, как комбинат инноваций. Они хотели, чтобы из университета выходили и будущие ученые, и будущие чиновники, которые бы понимали друг друга и вместе способствовали научно-техническому прогрессу страны. В идеале профессор философии в таком университете должен был разбираться во всех науках, но конечно, Гегель при всей начитанности не мог ставить химические опыты или препарировать животных — тогда бы не хватило времени на главное, на создание философского языка, понятного и чиновнику, и математику, и биологу. В этом философском языке понятия рассказывали и из чего состоит наша жизнь, и как устроено наше мышление (тем самым позволяя легко переходить от научного эксперимента к выводам), и как работают природа и общество. Гегель в должности профессора разрабатывал философию права, в которой объяснял, что нельзя право основывать только на природе или только на долге, это такой же «образ жизни» государства, как диета или спорт — образ жизни отдельного человека. Мы не можем сказать, должны мы заниматься спортом или нашему организму это приятно и желанно, — так мы и не можем сказать, право регулирует жизнь или же отражает законы совести, потому что оно просто уже с нами, и мы не способны от него отречься, не изменив собственной природе — нарушив признанный нами закон, мы разрушаем что-то самое важное в себе.

Главный свой труд «Феноменология духа» (1806, опубликован 1808) Гегель написал, когда Йену осаждали войска Наполеона, и философ чувствовал себя свидетелем величайшего перелома в истории человечества, перехода от традиционного уклада к всемирной современности, где происходящее в Париже или Лондоне сразу отзывается эхом на всех континентах. Конечно, Гегель рассуждал о том, что борьба всегда становится борьбой противоположностей, и его мысль сразу шла в дело — кроме Парижа и Лондона, центрами мировой истории стали Берлин, Москва и Петербург, а потом и множество других городов. Гегеля можно называть пророком, можно называть влиятельным политиком, но факт есть факт — его диалектика стала необходимой частью становления политической истории XIX века, как мы ее знаем. Благодаря Гегелю такие понятия как «власть» и «народ», «событие» и «намерение», «возможность» и «необходимость» и многие другие приобрели свое очертание.

Но «Феноменология духа» — не об окружающем мире, а о неизбежной победе рационального принципа, «духа» как общего смысла истории. Разум побеждает не потому, что он нужен людям для практических задач, ведь животные тоже вполне решают свои практические задачи, — но потому что он не может не победить там, где возникли такие реальности, как «природа», «история», «общество» и «личность». Если мы вошли в историю, ощутили себя людьми среди других людей, мы можем совершить множество ошибок в отношениях с людьми, в экономике или в политике, но только когда мы перестанем их совершать, тогда мы поймем, кто мы такие.

Гегель постоянно размышлял об отношении свободы и необходимости. Мы понимаем этот вопрос часто упрощенно: отождествляя необходимость с существующим положением дел, а в свободе видя либо долг, либо предмет мечтаний. Гегель объяснял, что всё иначе: свобода уже с нами, тогда как мы должны еще оправдать наше существование возможностью быть свободными. Мы до конца не существуем, пока мы не свободны, как и дух до конца не существует, пока он просто выясняет с собой отношения, субъект он или объект. Когда дух и станет единственным содержанием истории, иначе говоря, перестанет конфликтовать с собой, порождая по ходу дела пары противоположных понятий, но определит по-настоящему философское и нравственное отношение к происходящему, тогда только люди и станут свободными.

Консервативные гегельянцы понимали это как призыв работать над собой и нравственно совершенствоваться, революционные — наоборот, как требование завоевать свободу для всех стран, но Гегель ни к чему не призывал, по тем же причинам, по которым Эйнштейн не призывал приближаться к световой скорости. Он просто говорил, что философия как наука наук не может не сказать о том, что такое «отношение» вообще, независимо от частности наших отношений. Дух из книги Гегеля может быть очень капризен, примерно как Христос в Гефсиманском саду рыдал и боялся казни, но в конце концов он начинает относиться к вещам должным образом, показывая, что и наша жизнь, и история человечества прошла не зря.

Дух, по Гегелю, воспитывает человека — превращает инстинкты в призывы и в эстетическое восприятие, потребности — в социальные навыки, возможности — в творческие решения и умение философствовать. Но одновременно дух и сам себя воспитывает: он приучает себя проявляться в новых формах, создавая, например, не только реки и горные породы, но и города, транспорт, человеческие чувства — любовь и дружбу, влюбленность и разочарования. Борьба в природе переходит в борьбу в обществе, но и эта борьба — не последнее, что есть, потому что за разочарованием приходит прозрение, за мечтой — экстаз, а за экстазом — научное открытие, значимое для всех людей и для всей природы. За распятием — воскресение, за унижением — свобода, за радостью — настоящее неподдельное бытие.

Поэтому нас не удивит, что философия природы Гегеля — это продолжение логики. Гегель знал современную науку, в которой уже не обойтись

без формул, таблиц и высшей математики. Мы воду обозначаем как H_2O , а массу как m , и для Гегеля важно узнать, как именно законы нашего языка, законы построения формул, определяют научный прогресс. Гегель, конечно, знал, что слово «природа» было изобретено древнегреческими философами, чтобы обозначить, что вещи рождаются по каким-то общим законам: например, кристалл возникает иначе, чем детеныш млекопитающего, но законы роста и взаимодействия со средой оказываются скорее общими. Гегель хотел пойти дальше предшествующих философов: если для тех природа была некоторым собранием законов и правил, некоторой инерцией, то Гегель смотрел всякий раз, как форма, особенно органическая, останавливает эту инерцию.

Например, кристалл растет, но вдруг начинает блестеть, показывается нам на глаза и становится чем-то другим — не частью породы, а отдельным предметом, будущей драгоценностью или частью научного прибора. Щенок растет, действуя под влиянием инстинктов, но вдруг мы понимаем, как много общих инстинктов у нас и животных, и тут вдруг этот рост останавливается: собака становится другом человека, эмблемой верности, а потом и вообще символом гуманного отношения к окружающей среде — кто любит собак и кошек, знает, как сберечь дерево и реку. Или мы видим, сколь усложняются многие процессы, сколь в наши дни нарастает объем информационных потоков, этой новой природы вокруг нас, темный лес цифровой информации — но вдруг эта информация стала для нас руководством к действию, мы учредили ситуацию, в которой она полезна, и научились поэтому созидать что-то полезное для всех. Я сейчас привожу бытовые примеры, но по Гегелю научные лаборатории работают так же, переходя от массы отдельных наблюдений к управляемым эффектам, которые вдруг в пробирке или в капле под микроскопом раскрывают важнейшие законы мироздания и создают новые лекарства.

В «Философии права», одном из курсов для будущих государственных мужей, Гегель настаивал на том, что право нельзя выводить только из долга перед обществом, из чувства справедливости или из обычаев решать споры. Право — это особая форма деятельности человека, который отстаивает свою собственность и свободу, и поэтому философия права возможна так же, как и философия природы, она говорит о самом близком человеку, не менее близком, чем его тело. Право — это не законы и их толкование, право — это возможность свободно распорядиться своим телом и своим имуществом, не чувствуя унижения ни в быту, ни в отношениях с другими людьми. Суд, законы, обычаи — только вспомогательные инструменты, позволяющие наиболее разумным образом обеспечить эту свободу, поэтому нужно всякий раз проверять, как именно в них проявился разум, выбирать из инструментов самые лучшие. Философия права поэтому должна помочь сделать законы яснее и научить быстрее добывать истину в сложных случаях.

В 1830 году Гегель стал ректором Берлинского университета, можно сказать, был признан самым важным человеком для новой европейской

науки. К несчастью, пробыл он им недолго, через год умер не то от холеры, не то от общего расстройства организма из-за непосильных трудов. Ученики Гегеля создавали новые науки и по-новому осмыслили отношение богословия и философии, становились общественными деятелями и создавали новые национальные государства, основывали университеты и развивали иллюстрированные журналы, распространяли прививки и модную одежду. Можно сказать, что без Гегеля не было бы многого, что нам привычно, и хотя мы не можем по недостатку сведений прямо перейти от книги Гегеля к микроволновой печи или космическому полету, мы осознаем, что Гегель расширит наше понимание в том числе этих вещей; не говоря уже о наших первых робких догадках о смысле жизни, которые станут благодаря Гегелю гораздо смелее.

Александр Марков

Феноменология духа

Предисловие

I. Научная задача нашего времени

1. Истина как научная система

Объяснение в том виде, в каком его принято предпосылать произведению в предисловии, — по поводу цели, которую ставит себе в нем автор, а также по поводу его побуждений и того отношения, в каком данное произведение, по его мнению, стоит к другим, прежним или современным, опытам разработки того же предмета, — такое объяснение в философском сочинении как будто не только излишне, но по сути дела даже не соответствует и противоречит цели его. Ибо то, как в предисловии было бы уместно говорить о философии и что было бы уместно сказать, — дать, например, историческое *разъяснение* тенденции и точки зрения, общего содержания и результатов, показав связь разноречивых утверждений и уверений, касающихся истинного, — это не может считаться тем способом, каким следовало бы излагать философскую истину. — Кроме того, так как философия по существу своему относится к стихии всеобщности, которая включает в себя особенное, то в ней чаще, чем в других науках, впадают в иллюзию, будто в цели и в конечных результатах выражается сама суть дела, и даже в совершенной ее сущности, рядом с чем выполнение, собственно говоря, несущественно. Напротив того, в общем представлении о том, что такое, например, анатомия, — скажем, знание частей тела в их лишенном жизни наличном бытии, — мы (в этом убеждены все люди) еще не располагаем самой сутью дела, содержанием этой науки, а должны, сверх того, позаботиться об особенном. — Далее, когда речь идет о таком агрегате сведений, который не имеет права именоваться наукой, обмен мнений о цели и тому подобных общих вопросах обыкновенно не отличается от того описательно-исторического и не прибегающего к понятиям способа, каким говорится и о самом содержании — о данных нервах, мышцах и т. д. Но в философии получилось бы несоответствие между применением такого способа изложения и тем обстоятельством, что сама философия признает его неспособным выразить истину.

Точно так же определением того отношения к другим трудам, посвященным тому же предмету, какое рассчитывает занять фи-